

ШКАЛА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ОЦЕНКИ РИСКА И ЕЕ СВЯЗЬ С ГОТОВНОСТЬЮ К РИСКУ И ЭМОЦИОНАЛЬНЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ

Т.В. КОРНИЛОВА

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
(ФГБОУ ВО «МГУ имени М.В. Ломоносова»),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5065-3793>,
e-mail: tvkornilova@mail.ru

Е.М. ПАВЛОВА

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
(ФГБОУ ВО «МГУ имени М.В. Ломоносова»),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1877-5704>,
e-mail: pavlova.lisa@gmail.com

Представлены результаты апробации опросника «Шкала интеллектуальной оценки риска» (Сараго et al., 2018) на русскоязычной выборке. Проверялись гипотезы о связях ШИОР с переменными принятия неопределенности и риска и эмоционального интеллекта. Выборку составили 588 человек, 473 женщины и 115 мужчин ($M_{возр}=27,09$; $SD=10,35$). Из них 260 человек проходили тестирование онлайн, а остальные — очное. Применялись методики: «Шкала интеллектуальной оценки риска» (ШИОР); Новый опросник толерантности к неопределенности; опросники «Личностные факторы принятия решений» и эмоционального интеллекта (ЭМИН). Согласно результатам эксплораторного и конфирматорного факторного анализов установлена четырехфакторная структура опросника, аналогичная авторской. Выявлены диады коррелирующих шкал, демонстрирующие эмоциональное неприятие неопределенности и когнитивное продуктивное принятие. «Неприятие неопределенности» и «Эмоциональная ранимость» тем выше, чем ниже эмоциональный интеллект,

готовность к риску и толерантность к неопределенности. «Самоеффективность при принятии проблем» и «Воображение» тем выше, чем выше эмоциональный интеллект, готовность к риску и толерантность к неопределенности. Хорошие психометрические характеристики ШИОР позволяют рекомендовать опросник как надежное средство диагностики отношения человека к неопределенности и риску; но остается под вопросом понимание субъективного риска как свойства личностной или когнитивной сферы.

Ключевые слова: личность, индивидуальные различия, готовность к риску, интеллектуальная оценка риска, эмоциональный интеллект, толерантность к неопределенности.

Финансирование. Исследование было поддержано грантом РФФИ № 19-29-07069 «Эмоционально-мнемические составляющие человеческого капитала».

Для цитаты: Корнилова Т.В., Павлова Е.М. Шкала интеллектуальной оценки риска и ее связь с готовностью к риску и эмоциональным интеллектом // Консультативная психология и психотерапия. 2020. Т. 28. № 4. С. 59—78. DOI: <https://doi.org/10.17759/cpp.2020280404>

RISK INTELLIGENCE SCALE AND ITS RELATIONSHIP WITH RISK READINESS AND EMOTIONAL INTELLIGENCE

TATIANA V. KORNILOVA

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5065-3793>,
e-mail: tvkornilova@mail.ru

ELIZAVETA M. PAVLOVA

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1877-5704>,
e-mail: pavlova.lisa@gmail.com

We present the results of validating the Subjective Risk Intelligence Scale (Craparo et al., 2018) in the Russian sample. The study tested the hypotheses about the relationships between subjective risk intelligence, acceptance of uncertainty and risk, and emotional intelligence. The participants (N=588) included 473 women and 115 men (Mage=27.09, SD=10.35); 260 people were tested online, and the rest — face-to-face. We used the Subjective Risk Intelligence Scale (SRIS), New Questionnaire of Tolerance for Uncertainty, Personal Decision-Making Factors, and Emotional Intelligence Scale (EmIn). Exploratory and confirmatory factor analyzes

established the four-factor structure of the questionnaire similar to the original. We found pairs of correlating scales that demonstrate emotional rejection of uncertainty and cognitive productive acceptance. Negative Attitude towards Uncertainty and Emotional Stress Vulnerability was higher in individuals with lower emotional intelligence, willingness to take risks, and tolerance for uncertainty. Problem Solving Self-Efficacy and Imaginative Capability correlated with emotional intelligence, willingness to take risks, and tolerance for uncertainty. The Russian version of SRIS has good psychometric characteristics, and we recommend it as a reliable tool to diagnose a person's attitude towards uncertainty and risk; however, the understanding of subjective risk intelligence as a personal or cognitive characteristic is unclear.

Keywords: personality, individual differences, risk readiness, risk propensity, risk intelligence, emotional intelligence, tolerance of ambiguity.

Funding. This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project no. 19-29-07069).

For citation: Kornilova T.V., Pavlova E.M. Risk Intelligence Scale and its Relationship with Risk Readiness and Emotional Intelligence. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2020. Vol. 28, no. 4, pp. 59—78. DOI: <https://doi.org/10.17759/cpp.2020280404>. (In Russ., abstr. in Engl.)

В современных исследованиях готовность к риску рассматривается в научных моделях, фокусирующих различия рискованности как *диспозиционного* свойства и фактора риска как *ситуационной* характеристики, как общего генерализованного или домен-специфического свойства готовности к риску как проявляющей личностные структуры или же отражающей характеристики интеллектуальной сферы человека. В последнем случае речь идет не только о когнитивных оценках риска, но и о его принятии на основе размышлений (осознанный риск) или о риске «возможного в мышлении» [3], или даже о способности, получившей название «интеллектуальной оценки риска» [15].

Определение человека как склонного к риску (*risk taker*) является сложным, поскольку это не цельная характеристика, которая проявляет себя в разных контекстах. Вопрос о том, существует ли отдельная мотивация принятия риска в действии (*risk-taking*) или это многомерное свойство, пока не решен. Обширную область психодиагностических средств составляют опросники, предполагающие выделение рискованности как специальной черты, причем как генерализованной [5; 22; 36], так и домен-специфичной [11].

Для характеристики личностной готовности к риску используются понятия: а) предрасположенность к риску (*risk propensity*), рассматриваемая в качестве «кросс-ситуационной тенденции включаться в поведение

с перспективой негативных последствий, например потери, вреда, провала» [36, р. 2], и б) готовность к риску (*risk readiness*), предполагающая активное принятие личностью вызовов со стороны неопределенности и направленность на позитивный исход. Второе, на наш взгляд, предпочтительнее, поскольку включает интенциональность позитивного принятия риска.

Разработки идеи личностной предрасположенности к риску легли в основу множества опросников. Однако в последнее десятилетие «готовность к риску» стали рассматривать и как когнитивную способность, чему способствовало издание книги «Рискованный интеллект» [15]. Ранее анализ риска в когнитивных исследованиях был представлен, в частности, «проспективной» моделью А. Тверски и Д. Канемана (*A. Tversky, D. Kahneman*). Но постепенно утверждалась связь эмоциональной сферы с принятием риска; в своей последней книге Д. Канеман пишет уже об «эмоциональном фрейминге», который первоначально выступал когнитивным феноменом [23]. П. Словик и Э. Питерс (*P. Slovic, E. Peters*) от общей мысли о том, что понимание динамики между аффектом и разумом означает «улучшение решений, связанных с риском», пришли к выделению двух процессов — «риска как чувства» и «риска как анализа» и продемонстрировали, в частности, снятие ориентировки на вероятности при включении чувства риска [32]. Ряд исследований показывает, что люди менее чувствительны к изменениям вероятности в богатых на аффекты рискованных вариантах, что моделируется более изогнутой весовой функцией вероятности, т. е. ее отклонением от стандартной формы, отражающей переоценки малых вероятностей и недооценки средних и больших вероятностей [30].

В системе индивидуальных свойств готовность к риску относят к разным уровням, связывая ее со свойствами темперамента и ценностными ориентирами, со стабильными чертами или стилевыми особенностями динамического контроля неопределенности. Всем этим аспектам соответствуют устанавливаемые связи готовности к риску (общей или домен-специфичной) с импульсивностью или направленностью на поиск ощущений, с тревожностью или преобладанием имплицитного позитивного/негативного аффекта, с чертами Большой пятерки. Однако готовность к риску (*risk readiness*) не совпадает с импульсивностью как снижением контроля [16] или склонностью к поиску ощущений (*sensation seeking*), предполагающими добровольный поиск необычных и рискованных событий [37]. В качестве латентной переменной принятие неопределенности и риска манифестировалось в исследованиях толерантности к неопределенности (ТН) и интуитивного стиля [4; 5]. Оно включает эмоциональное отношение к неопределенности (приближение, а не избегание) и

продуктивные характеристики, обозначаемые связями с креативностью [12; 29; 33].

Готовность к риску понимается нами как готовность к принятию решений (ПР) в условиях неопределенности или шанса при недостаточности ориентиров или контроля над ситуацией. Именно связь с ПР, а не только интенциональная направленность отвечать вызовам со стороны неопределенности, характеризует интеллектуальную составляющую принятия риска.

Риск и неопределенность. Отметим разграничение ситуаций риска и ситуаций неопределенности. Дело в том, что *неопределенность* может рассматриваться как качественно или количественно определяемое событие. Ф. Найт (*F. Knight*), основатель Чикагской экономической школы, отнес риск только к случаям так называемой *измеримой неопределенности* [24]. К. Вольц и Г. Гигеренцер (*K. Volz, G. Gigerenzer*) использовали разграничение «мира неопределенности» и «мира риска», как «большого» и «малых» миров [35]. В мире риска человеку, принимающему решение, известны все условия — заданы все альтернативы, известны все вероятности и последствия выбора каждой из них. Но в мире неопределенности, который включает неизвестное будущее, применение Байесовских правил было бы «верхом глупости» [35, p. 106]. Эвристики — это наиболее приемлемый при ПР человеком путь, реализующий принцип экологической рациональности [20].

Отношение человека к неопределенности и риску стало обсуждаться в контексте эмоциональных компонентов — широко понятого аффекта [9; 34] — и динамических регулятивных систем ПР [2]. На материале опросников показано, в частности, что готовность к риску положительно связана не только с толерантностью к неопределенности (ТН), но и с рядом компонентов эмоционального интеллекта [29].

Для анализа же личностной готовности к риску ключевым выступает обращение к понятиям ТН — так называемой толерантности к неоднозначности (*tolerance of ambiguity*) и толерантности к неопределенности (*tolerance of uncertainty*). Введенные Э. Френкель-Брунвик (*E. Frenkel-Brunswik*), эти понятия изначально распространялись как на эмоциональную, так и на когнитивную сферу [17; 18]. Неопределенность (*uncertainty*) в большей степени связывается с вероятностными условиями, а неоднозначность (*ambiguity*) — с двусмысленностью, неясностью, противоречивостью условий [1]. В обзоре современного использования этих понятий ТН А. Фернхем и Дж. Маркс (*A. Furnham, J. Marks*) пришли к предположению, что по отношению к личностным свойствам Большой пятерки толерантность к неоднозначности нужно рассматривать как фактор второго или третьего порядка, поскольку он относится ко всей зоне входящих в пятерку черт [19].

Выявлялись гендерные различия в принятии рискованных решений и ТН: мужчины склонны принимать на себя большие риски. Т. Деветт (*T. Dewett*) отметил, что это связано с культурными особенностями [14]. В сравнении российской и азербайджанской выборок была показана большая интолерантность к неопределенности у азербайджанских мужчин [25].

Стало формироваться и представление о *когнитивной толерантности к риску*, которая может провоцировать мышление более высокого уровня и способствует выражению идей несмотря на потенциальную оппозицию [12]. Показано, что лица с высокой тревожностью склонны негативно оценивать неопределенность в разных типах ситуаций выбора (эксперименты на фрейминг, азартные игры, шкалы восприятия риска, ПР о здоровье) и демонстрируют отвержение риска [21]. Повышение согласия и сознательности также демонстрируют снижение риска, в то время как экстраверсия и открытость обычно способствуют принятию риска «для расширения своих горизонтов через опыт новых и необычных ситуаций, а не для того, чтобы нарушать социальные нормы» [26, p. 19].

При некотором скептицизме по отношению к самоотчетным методам [27], они все же остаются важным диагностическим средством выявления индивидуальных различий, позволяющим делать прогнозы о действенном принятии риска.

Учитывая особенности двузначного понимания готовности к риску — в единстве интеллектуального и личностного аспектов — и отсутствие в арсенале отечественных психодиагностических средств сходной методики, мы поставили целью апробировать опросник «Шкала интеллектуальной оценки риска» (*Subjective Risk Intelligence Scale*) [13].

Шкала интеллектуальной оценки риска. Особенности регуляции принятия риска трудно отделить от восприятия риска и его личностных категоризаций. Этому соединению когнитивных и личностных составляющих соответствует понятие «интеллектуальной оценки риска», использованное авторами [13] для создания опросника ШИОР. Авторы следуют за Эвансом, который определял интеллектуальную оценку риска как способность адекватно оценивать вероятности исходов [15]. Конструкт интеллектуальной оценки риска определяется им как индивидуальное, многомерное психологическое свойство, которое обозначает способность эффективно оценивать «за» и «против» решений в ситуациях, в которых не все исходы могут быть спрогнозированы [13, p. 968]. Эта способность не только позволяет человеку в целом лучше управлять своей жизнью, но и помогает воспринимать рискованные ситуации без ухудшения качества суждений и рассматривать неопределенность как возможность.

Итак, авторами в опросник ШИОР включены 4 шкалы, диагностируемые 21 пунктом.

1. Воображение (*Imaginative Capability*). Эта шкала связана с креативностью и ориентацией на исследование и принятие нового, включает в себя генерацию новых и потенциально полезных идей, а акцент ставится на проявлении инициативы и оригинальности.

2. Самоэффективность при решении проблем (*Problem Solving Self-Efficacy*), которая включает в себя самоконтроль при ПР, уверенность в себе и веру в свою способность справляться с ситуациями. Далее мы говорим о *принятии решений* (а не решении проблем), поскольку последнему соответствует содержание пунктов опросника.

3. Эмоциональная ранимость (*Emotional Stress Vulnerability*). Шкала измеряет способность модулировать эмоциональные реакции в стрессовых ситуациях. У людей с высокой ранимостью стресс может оказывать негативное влияние на концентрацию, внимание, работу и другие важные области функционирования.

4. Непринятие неопределенности (*Negative Attitude toward Uncertainty*). Эта шкала отражает эмоциональные реакции негативного плана на неопределенность, общую ориентацию на избегание риска при ПР в ситуациях с неопределенными результатами.

Авторами была показана связь методики со всеми шкалами Большой пятерки (в первую очередь с экстраверсией и эмоциональной стабильностью), копинг-стратегиями (общий бал связан с адаптивными копинг-стратегиями, а также избеганием) [13]. Однако методика является достаточно новой, и пока не наработано достаточно материала о ее связях с другими конструктами.

На наш взгляд, ШИОР не диагностирует характерологические черты, а отражает, скорее, особенности образа мира субъекта, проявляющиеся в отношении риска, что соотносится с представлением о динамическом контроле неопределенности [8]. Таким образом, при апробации необходимо выявить связи ШИОР с толерантностью и интолерантностью к неопределенности. Если же включать в это понятие аспект способности, то исследовательской задачей становится прояснение вопроса о том, в какой степени Шкала интеллектуальной оценки риска коррелирует с эмоциональным интеллектом, относительно которого продолжаются дискуссии о понимании его как способности или черты [10; 28], что не было сделано его авторами. При разработке методики показана связь ШИОР с показателями самооценочной методики на диагностику эмоционального интеллекта (положительная для шкал воображения и самоэффективности при ПР и негативная — для эмоциональной ранимости и неприятия неопределенности [см.: 13]), но не проведено разделение разных составляющих эмоционального интеллекта.

Цели исследования: 1) апробировать опросник Шкала интеллектуальной оценки риска (ШИОР) на российской выборке; 2) прояснить связи ШИОР с готовностью к риску, толерантностью к неопределенности и эмоциональным интеллектом.

Гипотезы.

1. На российской выборке удастся воспроизвести 4-х-факторную структуру опросника.

2. Неприятие неопределенности — как шкала ШИОР — должно быть отрицательно связано с готовностью к риску и толерантностью к неопределенности (по другому валидизированному опроснику).

3. Готовность к риску и толерантность к неопределенности как личностные свойства должны быть положительно связаны со шкалами самооффективности при принятии решений, воображения и позитивного принятия неопределенности (в противоположность неприятию).

4. Эмоциональная ранимость должна выступить в положительной связи с неприятием неопределенности (как переживанием угроз со стороны неопределенности) и в отрицательной — с эмоциональным интеллектом.

Метод

Выборку составили 588 человек, 473 женщины и 115 мужчин в возрасте от 17 до 80 лет ($M = 27,09$; $SD = 10,35$). Из них 260 человек проходили онлайн-тестирование с помощью специальной платформы в Интернете, а 328 человек — очное, индивидуально или в малых группах. Около 500 человек — студенты; остальные — работающие взрослые.

Методики. В исследовании были использованы следующие методики.

1. *Опросник «Шкала интеллектуальной оценки риска» (ШИОР)* — включает 21 пункт с 5-балльной оценкой согласия, объединяемые в 4 указанные выше шкалы [13]. Опросник переводился двумя психологами, владеющими английским языком (Приложение).

2. *Опросник «Личностные факторы принятия решений» (ЛФР-21)* — включает также 21 пункт. Измеряет готовность к риску как готовность и умение принимать решения в условиях неопределенности и «ловить шанс» и рациональность как стремление к максимальному сбору информации при принятии решений [5].

3. *Новый опросник толерантности к неопределенности (НТН)* [1]. Опросник сконструирован на основе объединения А. Фернхемом четырех более ранних опросников и в русскоязычной адаптации включает 33 пункта и три шкалы: (а) толерантность к неопределенности, (б) интолерантность к неопределенности и (в) межличностную интолерантность

к неопределенности — как неприятие неопределенности и двусмысленности в межличностных отношениях.

4. *Опросник на эмоциональный интеллект ЭМИн* — базируется на понимании эмоционального интеллекта (ЭИ) как способности, но измеряет ЭИ на основании самоотчетов. Включает 46 пунктов и шкалы межличностного и внутриличностного ЭИ, понимания эмоций и управления эмоциями [6].

Результаты

Сырые данные подверглись эксплораторному факторному анализу методом главных компонент с использованием вращения Варимакс, согласно которому следует выделять 4 фактора. С использованием пакета lavaan программной среды R [31] был проведен конфирматорный факторный анализ, в котором проверялись следующие модели: однофакторная модель (CFI=0,676; TLI=0,64), четырехфакторная модель в варианте авторов методики (CFI=0,908; TLI=0,895), четырехфакторная модель по результатам эксплораторного факторного анализа (CFI=0,933; TLI=0,923). По результатам КФА, наилучшими индексами пригодности обладает четырехфакторная модель с исключенным пункта 11: $\chi^2=450,458$; DF=162; p=0,000; CFI=0,95; TLI=0,941; RMSEA=0,058 (90% CI — 0,052—0,065). Факторы и соответствующие им пункты представлены в Приложении, а показатели α Кронбаха — как внутренней согласованности шкал — в табл. 1. Графически модель (включая факторные нагрузки) представлена на рис. 1.

Таблица 1
Показатели α Кронбаха для шкал опросника ШИОР

Шкала	α Кронбаха
1. Неприятие неопределенности	0,811
2. Самоэффективность при принятии решений	0,722
3. Воображение, или творческие способности	0,775
4. Эмоциональная ранимость	0,649

Различия по полу устанавливались с помощью t-критерия Стьюдента для независимых выборок и критерия равенства дисперсий Ливиня; значимые различия представлены в табл. 2. Было выявлено, что у женщин выше неприятие неопределенности, а у мужчин — самоэффективность при принятии решений и воображение.

Связи между показателями ШИОР и личностными переменными рассчитывались с использованием коэффициента корреляции r_s Спирмена (табл. 3).

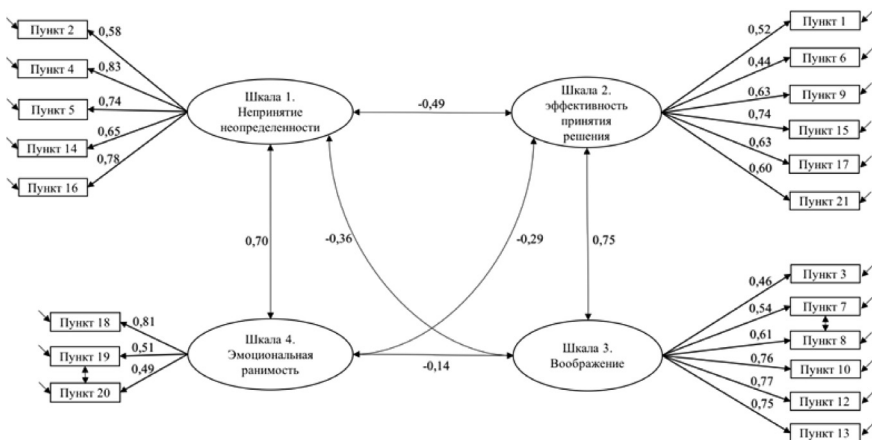

Рис. 1. Конфирматорная факторная модель структуры опросника (стандартизованное решение). На рисунке не показаны остаточные дисперсии

Таблица 2

Различия между мужчинами и женщинами (t-критерий Стьюдента)

Шкала	t	p	M _{мужчины}	M _{женщины}
Непринятие неопределенности	-3,771	0,000	10,84	12,48
Самоеффективность при ПР	5,268	0,000	22,70	20,83
Воображение	4,365	0,000	21,52	19,77

Также нами установлена связь толерантности к неопределенности с управлением чужими эмоциями ($r_s=0,222$; $p=0,050$), интолерантности к неопределенности с пониманием своих эмоций ($r_s=0,322$; $p=0,004$) и пониманием эмоций в целом ($r_s=0,318$; $p=0,004$), а также отрицательная связь межличностной интолерантности к неопределенности с управлением своими эмоциями ($r_s= -0,379$; $p=0,001$), контролем экспрессии ($r_s= -0,236$; $p=0,036$), общим внутриличностным интеллектом ($r_s= -0,232$; $p=0,039$) и общим управлением эмоциями ($r_s= -0,360$; $p=0,001$).

Обсуждение результатов

Установленная факторная структура опросника ШИОР и показатели внутренней согласованности шкал позволяют считать психометрические показатели опросника хорошими и принять гипотезу 1 о воспроизводимости его структуры на российской выборке. Положительные

Таблица 3

**Парные корреляции Шкалы интеллектуальной оценки риска
 с другими личностными переменными**

Методики	Личностные переменные	ШИОР			
		Неприятие неопреде- ленности	Эффектив- ность приня- тия решения	Воображе- ние	Эмоцио- нальная ранимость
ШИОР	Неприятие неопределенности	1			
	Самоэффективность при ПР	-0,368**	1		
	Воображение	-0,270**	0,538**	1	
	Эмоциональная ранимость	0,461**	-0,200**	-0,102*	1
ЛФР-21	Готовность к риску	-0,282**	0,289**	0,220**	-0,045
	Рациональность	0,030	0,069	-0,044	-0,025
НТН	Толерантность к неопределенности	-0,178*	0,332**	0,430**	0,099
	Интолерантность к неопределенности	0,048	0,058	-0,052	-0,125
	Межличностная интолерантность к неопределенности	0,527**	-0,196*	-0,202*	0,435**
ЭМин субшкалы	Понимание чужих эмоций	-0,263**	0,423**	0,292**	-0,130
	Управление чужими эмоциями	-0,351**	0,355**	0,205**	-0,262**
	Понимание своих эмоций	-0,227**	0,360**	0,087	-0,086
	Управление своими эмоциями	-0,412**	0,450**	0,218**	-0,402**
	Контроль экспрессии	-0,275**	0,301**	0,029	-0,249**
ЭМин шкалы	Межличностный интеллект (общий)	-0,343**	0,447**	0,284**	-0,206**
	Внутриличностный интеллект (общий)	-0,398**	0,497**	0,161*	-0,314**
	Понимание эмоций	-0,276**	0,451**	0,205**	-0,127
	Управление эмоциями	-0,459**	0,502**	0,220**	-0,406**

Примечание: «*» — $p < 0,05$; «**» — $p < 0,01$. Для пересечений Шкалы интеллектуальной оценки риска со шкалами опросника ЛФР — $n = 480$, НТН — $n = 151$, ЭМин — $n = 186$.

связи эмоциональной ранимости с неприятием неопределенности, с одной стороны, и воображения с самоэффективностью при принятии решений, с другой, соответствуют содержательной интерпретации двух

сочетаний выделенных шкал как фиксирующих эмоциональный и когнитивный компоненты восприятия и отношения к неопределенности. Однако, хотя две последние шкалы свидетельствуют о когнитивной, причем продуктивной, составляющей принятия риска, остается вопросом общая трактовка шкал опросника как шкал интеллектуальной оценки риска, а не личностного отношения к риску. И в выделенных сочетаниях явно задано смешение эмоционального аспекта с негативным, а когнитивного — с позитивным отношением к неопределенности.

Как и предполагалось, неприятие неопределенности отрицательно связано с готовностью к риску и толерантностью к неопределенности (при максимальной положительной связи с межличностной интолерантностью к неопределенности), что позволяет принять гипотезу 2. Но отметим отсутствие связей этой шкалы с рациональностью и интолерантностью к неопределенности, хотя именно ими манифестировалась латентная переменная неприятия неопределенности в других исследованиях [5]. Отсутствие связей неприятия неопределенности по ШИОР с интолерантностью к неопределенности позволяет отрицать их конвергентную валидность, а сопутствие высоких показателей по этой шкале и эмоциональной ранимости свидетельствует о выделении специфического эмоционального аспекта неприятия неопределенности этой шкалой опросника ШИОР.

Для эмоциональной ранимости выявлены отрицательные связи со шкалами эмоционального интеллекта; причем при высоком ЭИ одновременно снижаются и ранимость, и неприятие неопределенности. Таким образом, принимается гипотеза 4, которая может быть расширена в аспекте предположения о включенности более высокого ЭИ в регуляцию снижения переживания угроз неопределенности. Значимые положительные связи обеих шкал ШИОР с повышением неприятия неопределенности в межличностных отношениях поддерживает интерпретацию показанного ранее стремления к ясности в межличностном взаимодействии у людей с низким внутриличностным эмоциональным интеллектом [7].

Принимается и гипотеза 3 о связи самоэффективности при принятии решений с готовностью к риску, толерантностью к неопределенности (при снижении межличностной интолерантности к неопределенности), что согласуется с аналогичными связями для шкалы воображения. То есть в целом, самооценка продуктивности решений — по указанным двум шкалам ШИОР — сопутствует принятию неопределенности и риска, а также более высокому эмоциональному интеллекту, что полностью соответствует высказанному ранее нами предположению о позитивной триаде «Толерантность к неопределенности — Эмоциональный интеллект — Креативность» [2].

Снижение по всем шкалам ЭИ при росте показателей неприятия неопределенности и эмоциональной ранимости и повышение при повышении эффективности принятия решений и воображения, с одной стороны, согласуется с пониманием Эвансом [15] «интеллектуальной оценки риска» как эпистемологического переживания. С другой стороны, авторами опросника явно недостаточно обоснована привязка этого понятия в его интеллектуальном аспекте к заявленным шкалам. Прояснению этого и служат установленные связи с толерантностью к неопределенности, готовностью к риску и ЭИ, демонстрирующим противоположный характер связей для указанных пар шкал.

Показанные нами связи ШИОР и шкал эмоционального интеллекта в целом отражают аналогичные, показанные авторами методики [13]. Использованный нами опросник ЭИИ позволяет диагностировать более тонкие аспекты связей. Нами показано, что воображение не связано с пониманием своих эмоций и контролем их экспрессии, а эмоциональная ранимость в целом не коррелирует с пониманием эмоций (своих и чужих), а также с толерантностью к неопределенности. Таким образом, необходим именно комплексный анализ связей отношения субъекта к неопределенности и риску, дающий более дифференцированную их картину, чем применение отдельных указанных методик.

Современный мир готовит все больше рискованных ситуаций в каждодневной жизни человека. Субъективная интеллектуальная оценка риска может являться хорошим источником ресурса, позволяющего справиться с неопределенностью и рискованностью среды. Также пониженная способность оценивать рискованные исходы может быть использована в клинической практике. Таким образом, апробированная нами методика может использоваться в широком круге диагностических задач.

Выводы

Установленные психометрические характеристики опросника ШИОР позволяют рекомендовать его как средство диагностики интеллектуальной оценки риска в двух основных составляющих — эмоционального переживания угроз со стороны неопределенности и когнитивного аспекта принятия неопределенности и риска.

Принятие неопределенности и риска (в переменных толерантности к неопределенности и готовности к риску) сопутствует росту показателей Шкалы интеллектуальной оценки риска, демонстрирующих продуктивность принятия решений.

Эмоциональная ранимость и неприятие неопределенности, отрицательно связанные с самоэффективностью принятия решения и вооб-

ражением, возрастают при снижении эмоционального интеллекта, что определяет диапазон возможного изменения отношения к неопределенности и риску (при повышении эмоционального интеллекта).

Установленные связи не позволяют сделать выбор между подходами к пониманию интеллектуальной оценки риска как способности или личностного свойства, но могут учитываться в консультативной работе.

Приложение

Опросник ШИОР

Ниже приведены утверждения о поведении и эмоциональных состояниях. Пожалуйста, отметьте в нужной клетке степень Вашего согласия с ними, ориентируясь на свой жизненный опыт. Помните, что в тесте нет правильных и неправильных ответов.

Вопрос	Абсолютно не согласен	Скорее согласен	Умеренно согласен	Согласен	Абсолютно согласен
1. Я способен/способна находить позитивные решения проблемы					
2. Меня парализует неопределенность, которая возникает из-за возможности нескольких вариантов развития событий					
3. Я думаю самостоятельно, чтобы создать новые приемы, вместо того чтобы следовать способам, установленным другими					
4. Совершенно новые ситуации пугают меня					
5. Страх — это моя первая реакция, когда я сталкиваюсь с непредвиденной проблемой					
6. Я чувствую, что способен/способна принимать решения, даже когда у меня нет всей информации					
7. Благодаря новым проектам у меня появляются новые идеи					
8. Когда я думаю о новом проекте, я способен/способна предложить разные точки зрения					
9. Когда я сталкиваюсь с проблемой, я могу быстро в нее вникнуть					
10. У меня более оригинальные идеи, чем у других людей					

Вопрос	Абсолютно не согласен	Скорее согласен	Умеренно согласен	Согласен	Абсолютно согласен
11. Я хорошо справляюсь с собой даже в неожиданных обстоятельствах					
12. Я полон/полна идей					
13. Для нового проекта я ищу нетрадиционные подходы					
14. У меня опускаются руки, когда что-то идет не по плану					
15. Я способен/способна найти новые решения, когда я сталкиваюсь с проблемой					
16. Я боюсь изменений					
17. Я способен/способна найти решения проблем самостоятельно					
18. Когда я чем-то напуган (напугана), мне трудно сконцентрироваться					
19. Мое психологическое состояние влияет на мою эффективность в учебе/работе					
20. Я не могу ничего делать, когда у меня плохое настроение					
21. Я уверен/уверена в своих способностях					

ЛИТЕРАТУРА

1. Корнилова Т.В. Новый опросник толерантности—интолерантности к неопределенности // Психологический журнал. 2010. Т. 31. № 1. С. 74—86.
2. Корнилова Т.В. Интеллектуально-личностный потенциал человека в условиях неопределенности и риска. СПб.: Нестор-История, 2016. 334 с.
3. Корнилова Т.В. Риск и мышление // Психологический журнал. 1994. Т. 15. № 4. С. 20—32.
4. Корнилова Т.В., Разваляева А.Ю. Апробация русскоязычного варианта полного опросника С. Эпстайна «Рациональный—Опытный» (Rational—Experiential inventory) // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 3. С. 92—107. DOI:10.7868/S0205959217030084
5. Корнилова Т.В., Чумакова М.А., Корнилов С.А., и др. Психология неопределенности: единство интеллектуально-личностного потенциала человека. М.: Смысл. 2010. 334 с.
6. Люсин Д.В. Опросник на эмоциональный интеллект ЭМИн: новые психометрические данные // Социальный и эмоциональный интеллект: от моделей к измерениям / Под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. С. 264—278.

7. Павлова Е.М., Корнилова Т.В. Креативность и толерантность к неопределенности как предикторы актуализации эмоционального интеллекта в личностном выборе // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 5. С. 39—49.
8. Смирнов С.Д., Чумакова М.А., Корнилова Т.В. Образ мира в динамической парадигме прогнозирования и контроля неопределенности // Вопросы психологии. 2016. № 4. С. 3—14.
9. Anderson E.C., Carleton R.N., Diefenbach M., et al. The relationship between uncertainty and affect [Электронный ресурс] // Frontiers in Psychology. 2019. Vol. 10. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2019.02504/full> (дата обращения: 10.08.2020). DOI:10.3389/fpsyg.2019.02504
10. Bar-On R. The Bar-On Model of Emotional-Social Intelligence (ESI) // Psicothema. 2006. Vol. 18. P. 13—25.
11. Blais A.-R., Weber E.U. A Domain-Specific Risk-Taking (DOSPERT) scale for adult populations // Judgment and Decision Making. 2006. Vol. 1 (1). P. 33—47. DOI:10.1037/t13084-000
12. Charyton C., Snelbecker G.E., Elliott J.O., et al. College students' general creativity as a predictor of cognitive risk tolerance // The International Journal of Creativity and Problem Solving. 2013. Vol. 23 (2). P. 79—96. DOI:10.1037/a0032706
13. Craparo G., Magnano P., Paolillo A., et al. The Subjective Risk Intelligence Scale. The development of a new scale to measure a new construct // Current Psychology. 2018. Vol. 37 (4). P. 966—981. DOI:10.1007/s12144-017-9673-x
14. Dewett T. Exploring the role of risk in employee creativity // The Journal of Creative Behavior. 2006. Vol. 40 (1). P. 27—45. DOI:10.1002/j.2162-6057.2006.tb01265.x
15. Evans D. Risk Intelligence: How to Live with Uncertainty. London: Atlantic Books, 2012. 288 p.
16. Eysenck S.B.G., Eysenck H.J. Impulsiveness and venturesomeness: Their position in a dimensional system of personality description // Psychological Reports. 1978. Vol. 43 (3). P. 1247—1255. DOI:10.2466/pr0.1978.43.3f.1247
17. Frenkel-Brunswick E. Intolerance of ambiguity as an emotional and perceptual personality variable // Journal of Personality. 1949. Vol. 11 (1). P. 108—143. DOI:10.1111/j.1467-6494.1949.tb01236.x
18. Frenkel-Brunswick E. Tolerance towards ambiguity as a personality variable // The American Psychologist. 1948. Vol. 3. P. 268.
19. Furnham A., Marks J. Tolerance of Ambiguity: A Review of the Recent Literature // Psychology. 2013. Vol. 4 (9). P. 717—728. DOI:10.4236/psych.2013.49102
20. Gigerenzer G. Simply rational: Decision making in the real world. New York: Oxford University Press, 2015. 328 p.
21. Hartley C., Phelps E. Anxiety and Decision-Making // Biological Psychiatry. 2012. Vol. 72 (2). P. 113—118. DOI:10.1016/j.biopsych.2011.12.027
22. Highhouse S., Nye C.D., Zhang D.C., et al. Structure of the DOSPERT: Is there evidence for a general risk factor? // Journal of Behavioral Decision Making. 2016. Vol. 30 (2). P. 400—406. DOI:10.1002/bdm.1953
23. Kahneman D. Tinking, Fast and Slow. New York: Farrar, Straus, and Giroux, 2011. 499 p.
24. Knight F.H. The Meaning of Risk and Uncertainty // Risk, Uncertainty, and Profit / F. Knight (ed.). Boston: Houghton Mifflin Co, 1921. P. 210—235.

25. Kornilova T.V., Chumakova M.A., Izmailova A.M. Implicit theories of intelligence and personality, attitudes towards uncertainty, and academic achievement in college students: cross-cultural study // The 3rd International Academic Conference On Social Sciences (July 25—26, 2015, Istanbul, Turkey). Batumi, Georgia: The International Institute for Academic Development, 2015. P. 189—202.
26. Lauriola M., Weller J. Beyond daredevils: risk taking from a temperament perspective // Psychological Aspects of Risk and Risk Analysis: Theory, Models, and Applications / M. Raue, E. Lermer, B. Streicher (eds.). New York: Springer, 2018. P. 3—36. DOI:10.1007/978-3-319-92478-6_1
27. Lönnqvist J.-E., Verkasalo M., Walkowitz G., et al. Measuring individual risk attitudes in the lab: Task or ask? An empirical comparison // Journal of Economic Behavior & Organization. 2015. Vol. 119. P. 254—266. DOI:10.1016/j.jebo.2015.08.003
28. Mayer J.D., Salovey P. What is emotional intelligence? // Emotional development and emotional intelligence: Educational implications / P. Salovey, D. Sluyter (eds.). New York: Basic Books, 1997. P. 2—21.
29. Pavlova E.V., Kornilova T.V. The “Positive Triad” of the regulation of personal choice among creative professionals // Psychology of Creativity / G.B. Moneta (ed.). New York: Nova Science Publishers, 2016. P. 153—166.
30. Petrova D., Traczyk J., Garsia-Retamero R. What shapes the probability weighting function? Influence of affect, numeric competencies, and information formats // Journal of Behavioral Decision Making. 2019. Vol. 32 (2). P. 124—139. DOI:10.1002/bdm.2100
31. Rosseel Y. lavaan: An R Package for Structural Equation Modeling // Journal of Statistical Software. 2012. Vol. 48 (2). P. 1—36. DOI:10.18637/jss.v048.i02
32. Slovic P., Peters E. Risk Perception and Affect // Current Directions in Psychological Science. 2006. Vol. 15. P. 322—352. DOI:10.1111/j.1467-8721.2006.00461.x
33. Sternberg R.J., Lubart, T.I. Investing in creativity // American Psychologist. 1996. Vol. 51. P. 677—688. DOI:10.1037/0003-066X.51.7.677.
34. Suter R.S., Thorsten P.T., Hertwig R. How affect shapes risky choice: Distorted probability weighting versus probability neglect // Journal of Behavioral Decision Making. 2016. Vol. 29. P. 437—449. DOI:10.1002/bdm.1
35. Volz K.G., Gigerenzer G. Cognitive processes in decisions under risk are not the same as in decisions under uncertainty [Электронный ресурс] // Frontiers in Neuroscience. 2012. Vol. 6. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fnins.2012.00105/full> (дата обращения: 10.08.2020). DOI:10.3389/fnins.2012.00105
36. Zhang D.C., Highhouse S., Nye C.D. Development and validation of the General Risk Propensity Scale (GRiPS) // Journal of Behavioral Decision Making. 2019. Vol. 32. P. 152—167. DOI:10.1002/bdm.2102
37. Zuckerman M. Sensation Seeking: Behavioral Expressions and Biosocial Bases // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences / J.D. Wright (ed.). Amsterdam, Netherlands: Elsevier, 2015. P. 607—614. DOI:10.1016/B978-0-08-097086-8.25036-8

REFERENCES

1. Kornilova T.V. Novyi oprosnik tolerantnosti-intolerantnosti k neopredelennosti [The new questionnaire tolerance-intolerance to uncertainty]. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 2010. Vol. 31 (1), pp. 74—86.

2. Kornilova T.V. Intellektual'no-lichnostnyi potentsial cheloveka v usloviyakh neopredelennosti i riska [Intellectual and personal potential of a person under uncertainty and risk]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, 2016. 334 p.
3. Kornilova T.V. Risk i myshlenie [Risk and thinking]. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 1994. Vol. 15 (4), pp. 20—32.
4. Kornilova T.V., Razvaliaeva A.U. Aprobatsiya russkoyazychnogo varianta polnogo oprosnika S. Epstaina «Ratsional'nyi-Opytnyi» (Rational-Experiental inventory) [The rationality and intuition scales in S. Epstein's questionnaire REI (Russian approbation of the full version)]. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 2017. Vol. 38 (3), pp. 92—107. DOI:10.7868/S0205959217030084
5. Kornilova T.V., Chumakova M.A., Kornilov S.A., et al. Psikhologiya neopredelennosti: edinstvo intellektual'no-lichnostnogo potentsiala cheloveka. [The psychology of uncertainty: The unity of the intellectual and personal potential of a person]. Moscow: Smysl, 2010. 334 p.
6. Lyusin D.V. Oprosnik na emotsional'nyi intellekt EmIn: novye psikhometricheskie dannye [Emotional intelligence questionnaire EmIn: new psychometric data]. In Lyusin D.V., Ushakov D.V. (eds.) *Sotsial'nyi i emotsional'nyi intellekt: ot modelei k izmereniyam* [Social and emotional intelligence: From the process to measurement]. Moscow: Institut psikhologii RAN Publ., 2009, pp. 264—278.
7. Pavlova E.M., Kornilova T.V. Kreativnost' i tolerantnost' k neopredelennosti kak prediktory aktualizatsii emotsional'nogo intellekta v lichnostnom vybore [Creativity and tolerance to uncertainty as predictors for emotional intelligence actualization in personal choice] // *Psikhologicheskii Zhurnal*, 2012. Vol. 33 (5), pp. 39—49.
8. Smirnov S.D., Chumakova M.A., Kornilova T.V. Obraz mira v dinamicheskoi paradigme prognozirovaniya i kontrolya neopredelennosti [The image of the world in the dynamic control of uncertainty]. *Voprosy Psikhologii*, 2016, no. 4, pp. 3—13.
9. Anderson E.C., Carleton R.N., Diefenbach M., et al. The relationship between uncertainty and affect [Elektronnyi resurs]. *Frontiers in Psychology*, 2019. Vol. 10. Available at: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2019.02504/full> (Accessed 10.08.2020). DOI:10.3389/fpsyg.2019.02504
10. Bar-On R. The Bar-On Model of Emotional-Social Intelligence (ESI). *Psicothema*, 2006. Vol. 18, pp. 13—25.
11. Blais A.-R., Weber E.U. A Domain-Specific Risk-Taking (DOSPERT) scale for adult populations. *Judgment and Decision Making*, 2006. Vol. 1 (1), pp. 33—47. DOI:10.1037/t13084-000
12. Charyton C., Snelbecker G.E., Elliott J.O., et al. College students' general creativity as a predictor of cognitive risk tolerance. *The International Journal of Creativity and Problem Solving*, 2013. Vol. 23 (2), pp. 79—96. DOI:10.1037/a0032706
13. Craparo G., Magnano P., Paolillo A., et al. The Subjective Risk Intelligence Scale. The development of a new scale to measure a new construct. *Current Psychology*, 2018. Vol. 37 (4), pp. 966—981. DOI:10.1007/s12144-017-9673-x
14. Dewett T. Exploring the role of risk in employee creativity. *The Journal of Creative Behavior*. 2006. Vol. 40 (1), pp. 27—45. DOI:10.1002/j.2162-6057.2006.tb01265.x
15. Evans D. Risk Intelligence: How to Live with Uncertainty. London: Atlantic Books, 2012. 288 p.

16. Eysenck S.B.G., Eysenck H.J. Impulsiveness and venturesomeness: Their position in a dimensional system of personality description. *Psychological Reports*, 1978. Vol. 43 (3), pp. 1247—1255. DOI:10.2466/pr0.1978.43.3f.1247
17. Frenkel-Brunswick E. Intolerance of ambiguity as an emotional and perceptual personality variable. *Journal of Personality*, 1949. Vol. 11 (1), pp. 108—143. DOI:10.1111/j.1467-6494.1949.tb01236.x
18. Frenkel-Brunswick E. Tolerance towards ambiguity as a personality variable. *The American Psychologist*, 1948. Vol. 3, pp. 268.
19. Furnham A., Marks J. Tolerance of Ambiguity: A Review of the Recent Literature. *Psychology*, 2013. Vol. 4 (9), pp. 717—728. DOI:10.4236/psych.2013.49102
20. Gigerenzer G. Simply rational: Decision making in the real world. New York: Oxford University Press, 2015. 328 p.
21. Hartley C., Phelps E. Anxiety and Decision-Making. *Biological Psychiatry*, 2012. Vol. 72 (2), pp. 113—118. DOI:10.1016/j.biopsych.2011.12.027
22. Highhouse S., Nye C.D., Zhang D.C., et al. Structure of the DOSPERT: Is there evidence for a general risk factor? *Journal of Behavioral Decision Making*, 2016. Vol. 30 (2), pp. 400—406. DOI:10.1002/bdm.1953
23. Kahneman D. *Tinking, Fast and Slow*. New York: Farrar, Straus, and Giroux, 2011. 499 p.
24. Knight F.H. The Meaning of Risk and Uncertainty. In Knight F. (ed.) *Risk, Uncertainty, and Profit*. Boston: Houghton Mifflin Co, 1921, pp. 210—235.
25. Kornilova T.V., Chumakova M.A., Izmailova A.M. Implicit theories of intelligence and personality, attitudes towards uncertainty, and academic achievement in college students: cross-cultural study. *The 3rd International Academic Conference On Social Sciences* (July 25—26, 2015, Istanbul, Turkey). Batumi, Georgia: The International Institute for Academic Development, 2015, pp. 189—202.
26. Lauriola M., Weller J. Beyond daredevils: risk taking from a temperament perspective. In Raue M., Lermer E., Streicher B. (eds.) *Psychological Aspects of Risk and Risk Analysis: Theory, Models, and Applications*. New York: Springer, 2018, pp. 3—36. DOI:10.1007/978-3-319-92478-6_1
27. Lönnqvist J.-E., Verkasalo M., Walkowitz G., et al. Measuring individual risk attitudes in the lab: Task or ask? An empirical comparison. *Journal of Economic Behavior & Organization*, 2015. Vol. 119. P. 254—266. DOI:10.1016/j.jebo.2015.08.003
28. Mayer J.D., Salovey P. What is emotional intelligence? In Salovey P., Sluyter D. (eds.) *Emotional development and emotional intelligence: Educational implications*. New York: Basic Books, 1997, pp. 2—21.
29. Pavlova E.V., Kornilova T.V. The “Positive Triad” of the regulation of personal choice among creative professionals. In Moneta G.B. (ed.) *Psychology of Creativity*. New York: Nova Science Publishers. 2016, pp. 153—166.
30. Petrova D., Traczyk J., Garsia-Retamero R. What shapes the probability weighting function? Influence of affect, numeric competencies, and information formats. *Journal of Behavioral Decision Making*, 2019. Vol. 32 (2), pp. 124—139. DOI:10.1002/bdm.2100
31. Rosseel Y. lavaan: An R Package for Structural Equation Modeling. *Journal of Statistical Software*, 2012. Vol. 48 (2), pp. 1—36. DOI:10.18637/jss.v048.i02
32. Slovic P., Peters E. Risk Perception and Affect. *Current Directions in Psychological Science*, 2006. Vol. 15, pp. 322—352. DOI:10.1111/j.1467-8721.2006.00461.x

33. Sternberg R.J., Lubart, T.I. Investing in creativity. *American Psychologist*, 1996. Vol. 51, pp. 677—688. DOI:10.1037/0003-066X.51.7.677.
34. Suter R.S., Thorsten P.T., Hertwig R. How affect shapes risky choice: Distorted probability weighting versus probability neglect. *Journal of Behavioral Decision Making*, 2016. Vol. 29, pp. 437—449. DOI:10.1002/bdm.1
35. Volz K.G., Gigerenzer G. Cognitive processes in decisions under risk are not the same as in decisions under uncertainty [Elektronnyi resurs]. *Frontiers in Neuroscience*, 2012. Vol. 6. Available at: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fnins.2012.00105/full> (Accessed 10.08.2020). DOI:10.3389/fnins.2012.00105
36. Zhang D.C, Highhouse S., Nye C.D. Development and validation of the General Risk Propensity Scale (GRiPS). *Journal of Behavioral Decision Making*, 2019. Vol. 32, pp. 152—167. DOI:10.1002/bdm.2102
37. Zuckerman M. Sensation Seeking: Behavioral Expressions and Biosocial Bases. In Wright J.D. (ed.) *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences*. Amsterdam, Netherlands: Elsevier, 2015, pp. 607—614. DOI:10.1016/B978-0-08-097086-8.25036-8

Информация об авторах

Корнилова Татьяна Васильевна, доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (ФГБОУ ВО «МГУ имени М.В. Ломоносова»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5065-3793>, e-mail: tvkornilova@mail.ru

Павлова Елизавета Михайловна, кандидат психологических наук, инженер кафедры психологии образования и педагогики, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (ФГБОУ ВО «МГУ имени М.В. Ломоносова»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1877-5704>, e-mail: pavlova.lisa@gmail.com

Information about the authors

Tatiana V. Kornilova, Doctor in Psychology, Professor, Department of General Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5065-3793>, e-mail: tvkornilova@mail.ru

Elizaveta M. Pavlova, PhD in Psychology, Engineer, Department of Psychology of Education and Pedagogics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, <https://orcid.org/0000-0003-1877-5704>, e-mail: pavlova.lisa@gmail.com

Получена 20.08.2020

Received 20.08.2020

Принята в печать 01.11.2020

Accepted 01.11.2020